
1888

Ж. Л. Готье

RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)
Г74

Готье Ж. Л.

Г74 1888/ Ж. Л. Готье. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2023. — 406 с. — (Безмолвный закон).

ISBN 978-5-521-90581-2

Разоренный ставками в покер, исчезнувший на полгода, озлобленный и больной детектив Итан Брандт возвращается обратно в столицу Англии осенью 1888 года. Своим приездом он вызывает напряженность в лондонском обществе, потому что никто из высокопоставленных чиновников не знает, на кого на этот раз будет собрано досье и кто снова станет участником фальшивого преступления. Сам Итан не желает возвращаться в круг аристократов, но все равно будет вовлечен в кровавый конфликт между ними и неохотно займется расследованием жутких убийств, погрузивших мокрый, одуряющий и угрюмый Лондон в оторопь и ужас на долгие месяцы.

Опрашивая свидетелей, стараясь избавиться от вмешательств в дело комиссара полиции и нового детектива, мистер Брандт будет вынужден докопаться не только до истоков совершенного преступления, но и вытянуть на поверхность глубоко скрытые факты биографий своих старых знакомых, замешанных в тревоге, охватившей каждый темный закоулок города.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-90581-2

© Готье Ж. Л., 2023
© Ковалева Т., оформление, 2023
© Т8 Издательские технологии, 2023

СЛОВО АВТОРА

В книге «1888» вы можете столкнуться с расовыми, этническими, гендерными и религиозными предрассудками, распространенными во времена Викторианской эпохи, а также с пренебрежительным отношением к меньшинствам.

Автор произведения не принимает иного мировоззрения или образа жизни, но согласен предоставить другим право жить в соответствии с собственной системой взглядов, оценок и образных представлений о мире.

Автор также считает, что нужно обязательно освещать жизненные трудности людей минувших эпох, чтобы не повторять ошибок прошлого.

Ж. Л. Готье

Глава 1

«Лондон. 1888 год.

Уважаемый мистер Брандт!

Несколько дней назад мне посчастливилось заметить вас в необычном свете: отрабатывая скопившиеся долги, вы помогали мяснику складывать нарезки перед открытием рынка, при этом ваше лицо было обезображено невероятно смертельной тоской, которая никак не относилась ни к мертвым тушам, ни к озлобленному торговцу.

До сих пор вас тревожит мерзкий мальчишка Эдиктор из агентства «Прималъ», постресненного на деньги, которые должны были получить вы.

Я помню те несколько недель, когда грязные сироты, продававшие газеты по всему городу, выкрикивали злосчастное имя лорда Абберлайна, сообщая о нем как о новом, перспективном, молодом и амбициозном детективе. Я помню, как вы искали подработки, не связанные с раскрытием преступлений, потому что ваши потенциальные клиенты, заманенные широкой лживой рекламой, шли в недавно открывшуюся, напугавшую конторпу, платя невероятные суммы лишь за консультацию.

Ваше положение еще не совсем трудное, но уверенно движется к этому состоянию, а у меня есть то, что сможет покрыть все ваши многочисленные долги.

Предлагаю сделку — вы ловите меня, а взамен утираете нос лорду Абберлайну и возвращаете былую славу, ибо уверяю — скоро весь город затанцует дыхание и замрет в страхе».

Я хмыкнул над письмом, поинтересовался у прислуги моего доброго друга по поводу обратного адреса, которого не оказалось, и убрал послание обратно в конверт, не придав ему особого значения.

Такая корреспонденция приходила мне каждый день, ведь все бандиты, как один, пытались быть большим, чем обычными злодеями, старались обрасти таинственностью и бросить мне вызов, а через несколько дней их пьяными ловили патрульные у местных пабов в трущобах.

Однако незнакомец был прав. В силу обстоятельств мое внимание в данный промежуток жалкого существования было приковано к поиску денег, хотя бы для оплаты съемного жилья и погашения кредита. Я даже начал продавать мебель из собственного, арестованного дома, и иногда был вынужден отрабатывать долги на главном рынке Лондона.

Сегодня удалось избавиться от дубового лакированного стола, отдав его почти за бесценок, а заодно проведать старого хорошего друга, у которого я прямо сейчас ужинал.

— Эдмунд, почему верхняя одежда вашей хозяйки до сих пор висит в прихожей, а не убрана в шкаф? — спросил Бенедикт своего дворецкого, проходя в столовую.

— Разве? Мне передали, что прихожая убрана, — отозвался мажордом, направляясь проверить слова хозяина. — Хм, действительно... Одежда все еще на вешалке.

— Скоро привезут старинный фарфор. Останьтесь у главного входа, а перед этим проверьте дверь, выходящую на задний двор!

Бенедикт никогда не скупился на мебель и антикварные вещи. В его двухэтажном доме перемешались между собой индийские стили, рококо и готика, а весь интерьер состоял из предметов, обязательно хранивших в себе кусочки прошлого. Выглядело все вульгарно и очень безвкусно.

— Вы, Итан, прямо захворали. Как самочувствие? — обратился ко мне мистер Мур. — До сих пор получаете угрозы по почте?

— Угрозы для меня как утренние анекдоты за чашкой чая. Кашель замучил. Все время какое-то першение в горле.

— Вы курили в неделю столько, сколько у меня не выходило за месяц. Вам бы заняться своим здоровьем, снова женить-

ся, завести нормальную семью и избавиться от авантюризма, ведущего в бездну. Посмотрите на себя: тридцать лет, разведенный, безработный, маетесь чепухой оттого, что не можете найти себе место. Живете в склепе да общаетесь с мышами. Что за существование такое? Эгоистическое.

— Мое счастье в моем эгоизме, мистер Мур.

Работы нет и в ближайшее время точно не будет. Всех клиентов себе забирал Виктор Абберлайн, обретший оглушительную популярность после раскрытия дела об ограблении банка Англии, которое полтора года назад должен был завершить я.

Этот мерзавец пробрался ко мне в дом, забрал все записи с уликами и именами предполагаемых преступников, найденных мной, затем в тот же вечер взял их под стражу. Долго ждать не пришлось — на полученные деньги он сразу же открыл в самом центре Вестминстера свое змеиное гнездо с такими же слизняками, как и он сам.

Люди стали более охотно идти к тому, кто был на слуху в каждой подворотне города и чье имя занимало первые строчки газетных колонок. Прекрасные немолодые одинокие леди с запудренными мозгами целыми днями обсуждали на улицах невероятный ум и исключительную интеллигентность этого мелкого сыщика, подогревая интерес других несчастных дам.

Не понимаю, почему Виктор до сих пор не воздвиг себе выдающийся памятник на Трафальгарской площади? Возможно, правительство еще не в полной мере оценило его вклад в безопасность Лондона.

— Как думаете, что это такое? — спросил Бенедикт, доставая из бара неизвестную бутылку без наклеек. — Живительная вода!

— Коньяк?

— Лучше! Виски! Налить?

— Коньяк с лимоном, конечно, был бы лучше.

Мистер Мур являлся доброжелательным человеком и другом. Мужчина, правда, имел постоянные перепады настрое-

ния, не терпел мнения других людей, но был очень милосерден к знакомым и при малейшей беде всегда выделял место либо в своей гостинице, либо у себя дома.

Наше знакомство произошло очень давно благодаря его безответственному отношению к собственному бизнесу — моего друга постоянно грабили и обманывали, а расследование преступлений возлагалось на мои плечи.

Ко всем прелестям его необычайно широкой души добавлялась любовь поучить всех правильной жизни. О-о, это были замечательные речи, от которых у некоторых людей округлялись глаза, и они старались как можно скорее уклониться от разговоров старой зануды.

— Уже нашли Шарлотту? — спросил мистер Мур, с аппетитом закусывая чеддером. — Не слышал о ней с тех пор, как вы уехали из города.

— Нет. Я тоже не знаю, где она. Да и нужно ли ее искать? Спустя столько лет беспокойного замужества моя бывшая жена заслуживает отдыха и нормального супруга с обычной профессией.

— И похода к парикмахеру.

— А мне нравился ее небрежный пучок...

Бенедикт взял гребень из кармана брюк и стал расчесывать свои кудрявые, полуседые, редкие волосы. Его нервировали торчащие по сторонам локоны, и причесывался он по сотне раз в день, иногда заставляя делать это и своих домочадцев. Не приведи бог, если хотя бы один волос выпадал у миссис Мур из косы, он сам начинал поправлять ее прическу, поэтому женщина большую часть времени ходила с прилизанным, туго убранным пучком.

Несмотря на стереотип о том, что богатые люди страдают от лишнего веса и в принципе склонны к полноте, мистер Мур имел крепкое телосложение в сочетании с высоким ростом. Густая борода и усы, которые он вечно поправлял, делали его широкое лицо еще больше. Вздернутый нос и раскосые карие

хитрые глаза с густыми ресницами, как у женщин, ярче всего выделялись в его своеобразной, удивительной внешности, чего не скажешь о его жене.

Где бы Бенедикт ни появлялся, взор мгновенно падал на него, не замечая находившуюся рядом с ним серую, невзрачную жену со стеклянным, уставшим взглядом. И хотя многие из зажиточных людей помнили Кэтрин как статную и властную женщину, источавшую неимоверную силу характера вкупе с внутренней энергией, сейчас она превратилась в обессиленную, жалкую, молчаливую старуху с вечно прищуренными веками и обидой на весь мир.

— Не прикасайтесь к верхней одежде мистера Брандта! — вдруг воскликнул мистер Мур, едва поднеся тамблер ко рту. — Повесьте ее обратно на вешалку и поставьте подальше. Вы вообще видели, в каком состоянии его пальто? Цилиндр? Сапоги? Мы с вами не знаем, какую заразу он принес к нам в дом на этом старье.

Бенедикт терпеть не мог неухоженных людей, и его замашки часто были обращены в мою сторону. При каждой встрече он повторял: «Итан, ваш внешний вид портят ужасная щетина, растрепанные волосы и несколько суровый вид. Вы стали выглядеть на пару лет старше!». Следом за этими словами шло предложение постричься у ближайшего цирюльника, от которого я категорически отказывался, потому как не считал, что меня как-то портит небольшая неухоженность. Года мне прибавляли темные круги под глазами, тусклый цвет кожи и появившиеся морщины на лбу.

— Главную заразу вы привели в дом лет двадцать назад, — ответил я, залпом опрокинув стакан с виски.

Мужчина захохотал, долив себе еще немного «живительной воды». Он одобрительно относился к моим колким шуткам насчет брака и миссис Мур, но никогда не смеялся, если они касались его самого.

Через некоторое время, когда к столу подали десерт, я, изрядно устав от историй Бенедикта о заносчивых аристократах,

неторопливо мешал ложечкой таявшее мороженое. Особенно не слушая том, о чем говорил мужчина, я тем не менее понимал, что знаю о его махинациях с высшим обществом гораздо больше, чем он мог бы себе представить.

Скуку развеял раздавшийся со стороны лестницы знакомый мотив незамысловатой детской песни, исполненный приятным низким женским голосом.

— А-а-а, забыл сообщить, — тепло протянул Бенедикт и улыбнулся так, будто ему только что преподнесли древнюю вазу в его дорогую коллекцию. — Несколько недель назад ко мне приехала Анна Гамильтон. Моя племянница. Вам стоит с ней познакомиться. Между вами много общего.

Послышались маленькие, но громкие шажки, приближающиеся к столовой, в которой мы безмятежно проводили время, с подстувившем унынием от однообразия.

— Дядя, а когда к нам... — сказала женщина, но вдруг остановилась в дверях и затаила дыхание, а после воскликнула: — Ах, он уже здесь!

Она была хрупкой, не отличалась изысканной красотой, хотя и уродливой назвать ее было сложно. На плечи незнакомки спускались черные волосы, заплетенные в две толстые косы, которые она беспокойно трогала, будто считала, что они некрасиво лежат. Покрасневшее лицо, затронутое местными условиями, пропитавшими наших дам, выдавало озорство и легкую глупость, а в карих глазах было столько жизни, что, казалось, ее хватит еще на кого-то.

При первом взгляде на женщину не замечалось ничего необычного и цепляющего, но присмотревшись, можно было все-таки отыскать в ней что-то загадочное.

— Анна, знакомься — это старый друг моей семьи Итан Брандт, — всполошился Бенедикт, вставая из-за стола. — Я упоминал о нем в письмах.

— Очарован, — сказал я женщине и почтительно поклонился. — Присядете с нами?

Миссис Гамильтон коротко кивнула и туго улыбнулась, сложив на животе руки, покрытые следами от старых мозолей, затем чуть приподняла подбородок, выражая легкое высокомерие, и присела на стул, который я для нее отодвинул.

Вблизи ее лицо показалось мне знакомым, словно мы уже где-то мимолетно встречались, но я так и не смог вспомнить, где именно мог видеть племянницу Бенедикта, поэтому поинтересовался, откуда она родом.

— Из Санкт-Петербурга, — с достоинством ответила Анна, будто бы испытывая гордость за свой город. — Вы должны были догадаться о моем происхождении, мистер Брандт. Только русские люди имеют особый, грустный взгляд.

— Неужто только они? — с усмешкой в голосе спросил Бенедикт.

— Дядя, разве вы не знаете, что на русских крест такой — тяжело жить? Оттого и взгляд печальный, — задумчиво ответила миссис Гамильтон.

— Смешная девчонка. В тебе же из русского только знание языка и паспортная книжка! А кровь-то, кровь-то наша! Английская! И живется нам не тяжелее них, чтобы ты знала.

Женщина сконфуженно откашлялась, повернулась в мою сторону, не желая продолжать диалог с дядей, и сказала:

— Мистер Брандт, через месяц в Лондоне будут показывать оперный спектакль, в котором мне отведена одна из ведущих ролей. Не желаете посетить?

Я недовольно взглянул на Бенедикта, который наслаждался своим десертом. Теперь мне стало понятно, к чему были его слова про много общего с моей новой знакомой.

— Вынужден отказать. Не посещаю театры уже много лет. Тем более, у вас не слишком профессиональные навыки вокального искусства. Потенциал есть, но над ним следует долго работать.

— Как вам не стыдно говорить такое? — оскорбленно фыркнула женщина. — Откуда вы можете знать, отточено мое мастерство или нет? Вы оперный певец?